

С.Г. Карпюк

РОЛЬ ТОЛПЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Значение действий масс в политической жизни древней Греции неоднократно обсуждалось историками. Однако внимание уделялось прежде всего эллинистическому периоду, либо речь шла об организованных действиях. В этой работе мною будет сделана попытка проанализировать значение толпы в политической жизни архаической и классической Греции.

Для начала следует определиться с вопросом о том, что такое «толпа». Для социологов толпа – это случайное скопление людей (*aggregation*), сплоченная на основании сравнительно посторонних и временных связей; для психологов – группа, кооперация внутри которой носит сравнительно случайный и временный характер¹. Точка зрения на это явление историков вообще и историков античности в частности имеет некоторые отличия. Историки обычно смешивают понятия «толпа» и «(народные) массы»². Для исторических исследований, по нашему мнению, больше подходит определение немецкого ученого Д. Хердера, который определяет толпу как «группы людей с общими традициями, намеренно действующими совместно вне существующих рамок для того, чтобы достичь одну или несколько специально определенных целей»³.

Оговорюсь сразу же, что меня интересует прежде всего «политическая толпа», т.е. людские сборища, которые оказали влияние на политическую жизнь древнегреческих полисов. К примеру, Платон в диалоге «Хармид» (154a) описывает прекрасных юношей и толпу почитателей, следующих за ними. Однако этот случай может заинтересовать меня только в том случае, если он вызвал какие-либо политические последствия. То же самое относится и к религиозным процессиям.

Роль толпы в социально-политической жизни древней Греции архаического и классического периодов практически не изучена. Только немногие ученые обратили внимание на этот феномен⁴. Так, Вирджиния Хантер пыталась продемонстрировать «психологический» взгляд Фукидида на проблему толпы⁵, а Джош Обер, подчеркивая роль масс в исторических событиях, рассматривал революцию Клизфена как результат

¹ Dictionary of Philosophy and Psychology / Ed. J.M. Baldwin. V. I. Gloucester, Mass., 1960. P. 246–247. Cp. Encyclopedia of Sociology / Ed. E.F. Borgatta, M.L. Borgatta. V. I. N.Y., 1992. P. 395–402.

² Два примера из самых разных областей: и Г.Дж. Перкинз (*Perkins H.J. The Structured Crowd. Essays in English Social History. Sussex, 1981*), и Фергюс Миллар (*Millar F. The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor, 1998*), рассматривают «толпу» в качестве синонима к «(народным) массам». Ф. Миллар специально подчеркивает, что ставит в центр своей картины римской социальной системы «*populus Romanus* или толпу, которая его представляет» (*ibid.* P. 1).

³ Herder D. *Crowd Action in Revolutionary Massachusetts, 1765–1780*. N.Y., 1977. P. 4.

⁴ Я сознательно не включаю в этот ряд бездоказательное предположение Р. Сили относительно возможности «всеобщей забастовки» (*general strike*) или «повстанческих действий» (*acts of rebellion*), которые якобы организовал Солон (*Sealey R. Regionalism in Archaic Athens // Historia. 1960. Bd. 9. S. 159*).

⁵ Hunter V. *Thucydides and the Sociology of the Crowd // CJ. 1988/9. 84. P. 17–30*; см. также *eadem. Thucydides, Gorgias, and Mass Psychology // Hermes. 1986. Bd 114. S. 428*.

спонтанного восстания афинского демоса⁶. Но это – уникальные примеры интереса ученых к толпе в древней Греции.

Как же можно объяснить подобное отсутствие интереса к этой сфере? На мой взгляд, на то есть две причины. Во-первых, этот феномен имеет гораздо меньшее значение в сравнении с хорошо организованными и эффективно функционировавшими полисными институтами. Следует сразу же, впрочем, отметить, что изучение *неорганизованных* массовых выступлений может выявить степень политической *организованности* древнегреческого общества. Во-вторых, изучению роли неорганизованных массовых сборищ в древней Греции препятствует сам характер наших источников. Исследования о роли толпы в истории начали проводиться на материалах европейской истории XVIII–XIX вв. (Гюстав Ле Бон, Жорж Рюде и др.)⁷, причем в качестве источников использовались полицейские архивы, газетные публикации и т.п., т.е. «источники изнутри». Но исследователи истории древней Греции имеют в своем распоряжении только «источники извне» – сочинения древних авторов, по большей части крайне враждебные любым проявлениям массовой активности. Надписи и папирусы ничего не дают в данном случае, поскольку отражают более поздний период (например, первое упоминание слова ὄχλος в надписях относится лишь к концу II в. до н.э.)⁸.

Есть две возможности для изучения роли толпы в древнегреческом обществе. Первая, лексический анализ, предполагает отбор соответствующей лексики и изучение ее употребления в текстах. Вторая, ситуационный анализ, требует выявления в текстах ситуаций, связанных с действиями толпы.

Ранее мною была предпринята попытка реализовать первую возможность, и мои предыдущие работы были посвящены терминологии (если быть более точным – лексике) толпы, прежде всего слову ὄχλος – возможно, ключевому слову в этой сфере⁹. Конечно, само появление слова ὄχλος отражало социальные реалии классических Афин. Но древнегреческие авторы использовали его не только в значении «толпа», но и для обозначения низших слоев населения, «черни», т.е. в зависимости от контекста оно приобращало социальную либо ситуационную характеристику. То же самое можно отнести к πλῆθος, οἱ πολλοί и даже к δῆμος¹⁰. Анализ лексики древних авторов помогает прояснить только одну сторону проблемы, а именно: отношение самих авторов к толпе. Поэтому необходимо рассмотреть всевозможные свидетельства древних авторов, которые имеют хотя бы косвенное отношение к действиям толпы в политической жизни. Предлагаемая мной выборка, возможно, и не является исчерпывающей, однако немногочисленность случаев упоминания толпы сама по себе характерна.

В архаическое время и тем более в гомеровский период неорганизованные массовые сборища были крайне редким явлением, но поэтому стоит присмотреться к народным собраниям (сходкам)¹¹. Народные собрания были вполне обычным социальным феноменом уже в гомеровское время; они созывались басилеем или знатью и не собирались без их согласия (как на Итаке – Od. 2. 26–27). Уже в то время существовала агора как место для сбора народных собраний – открытое пространство, обозначаемое специаль-

⁶ Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1996. P. 43 ff.

⁷ LeBon G. Psychologie des foules. P., 1895; Rudé G. The Crowd in History. A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730–1848. L., 1981.

⁸ Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Lpz, 1921–1924. V. II. 700, 20; 709, 5; 730, 10.

⁹ Карпюк С.Г. "Ὀχλος от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 31–50; он же. Полибий и Тит Ливий: ὄχλος и его римские соответствия // ВДИ. 1996. № 3. С. 44–53; он же. *Vulgus* и *turba*: толпа в классическом Риме // ВДИ. 1997. № 4. С. 121–137.

¹⁰ Впрочем, нужно отметить, что в древнегреческом языке есть слово, которое может обозначать деятельность толпы. Это – ἀβροζω (аттическое ἀβροζω), соответствующее прилагательное, ἀβρός (аттическое ἀβρός) и другие дериваты.

¹¹ Starr Ch. The Birth of Athenian Democracy. The Assembly in the Fifth Century B.C. N.Y. – Oxf., 1990. P. 6.

ными мраморными маркерами¹². Агора была обычным местом сходок народного собрания, но с конца архаического – начала классического периода для проведения народного собрания выделяются уже специальные места: можно упомянуть *ekklesiasterion* в Метопонте вместимостью 8 тысяч человек, датируемый серединой VI в.¹³

Народное собрание состояло из граждан-воинов и первоначально не было чрезмерно организованным. Его участники выступали за или против предложений, выдвинутых царем либо знатью посредством криков одобрения или неодобрения¹⁴. Как показывает случай с Терситом из «Илиады» (2. 211–277), знать доминировала на таких сходках и могла предотвращать спонтанные выступления рядовых воинов. Терсит рассматривается Гомером именно как представитель этой массы рядовых воинов (*πληθύς* – 2. 143, 278, *δῆμος* – 2. 198), и его «значимое» имя как будто бы подтверждает это¹⁵. Но даже здесь нет никаких следов действий толпы, и протест Терсита остался только словесной акцией.

Если перейти к архаическому периоду, то в нашем распоряжении почти исключительно афинский материал. Наиболее ранний – о заговоре Килона, в подавлении которого принял участие афинский демос. Действительно, согласно сообщению Фукидида, афиняне «всем миром» (*πανδημί*) осадили Килона и его сторонников на Акрополе. Но употребление данного слова совсем не обязательно должно предполагать спонтанное, неорганизованное действие народных масс. Например, тот же Фукидид использует *πανδημί*, сообщая о выступлении в поход всего спартанского войска (5. 33. 1), которое никоим образом не может быть охарактеризовано как неорганизованное, или о поголовном участии афинян в строительстве «Длинных стен» по указанию Фемистокла (1. 90. 3) и т.п.

Таким образом, когда Килон захватил Акрополь в 636 или 632 г., не было всеобщего восстания, и демос поддержал действия архонта Мегакла (Herod. 5. 71; Thuc. 1. 126–127)¹⁶. И не случайно до нас дошла столь мощная традиция об алкмеонидовской скверне. Алкмеониды были предводителями, но не восстания, а выступления афинян против попытки захвата тиранической власти. Речь в данном случае скорее может идти о мобилизации афинян – противников тирании, но не о спонтанном действии народных масс. Толпа как таковая еще не появляется¹⁷.

Афинская демократия берет начало с сопротивления афинян Клеомену и Исагору в 508/7 г. Восстание афинян против спартанцев и их союзников уже с большим основанием можно представить как спонтанное действие масс. Это событие много раз рассматривалось историками¹⁸, но наш интерес лежит исключительно в степени организованности этой акции, т.е., можно ли в данном случае говорить о неорганизованных

¹² Wees H. van. *State Warriors: War, Violence and Society in Homer and History*. Amsterdam, 1992. P. 29, где указаны все упоминания агоры в «Илиаде». Агора иногда использовалась для обозначения и самого народного собрания. Правда, сведения об этом относятся к более позднему времени. См. Aymard A. *Les assemblées de la confédération achaienne. Étude critique d'institutions et d'histoire*. Bordeaux – Paris, 1938. P. 77.

¹³ Robinson E.W. *The First Democracies. Early Popular Government outside Athens* (Historia-Einzelschriften, Ht 107). Stuttgart, 1997. P. 71.

¹⁴ Luce J.V. *The Polis in Homer and Hesiod* // *Proceedings of the Royal Irish Academy*. 1978. 78C. № 1. P. 10.

¹⁵ Даже само его имя (от *ἄερος* – 'необузданность') – говорящее. См. Kirk G.S. *The Iliad: A Commentary*. V. 1. Cambr., 1985. P. 138.

¹⁶ Andrewes A. *The Greek Tyrants*. L., 1956. P. 84; cf. Berve H. *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd I. München, 1967. S. 41–43; Bd II. S. 539; Lang M. *Kylonian Conspiracy* // CPH. 1967. 62. P. 243–249; Welwei K.-W. *Athen. Vom neolithischen Siedlungsplatz zum archaischen Grosspolis*. Darmstadt, 1992. S. 133–137.

¹⁷ Также ничем не подтверждается возможность организации Солоним «всеобщей забастовки» или «повстанческих действий», как утверждает Р. Сили (Op. cit. S. 159).

¹⁸ См. недавнюю дискуссии об этом К. Раафлауба и Дж. Обера: Raaflaub K. *Power in the Hands of the People: Foundations of Athenian Democracy* // *Democracy 2500? Questions and Challenges* / Ed. I. Morris, K. Raaflaub. Dubuque, Iowa, 1997 (Archaeological Institute of America. Colloquia and Conference Papers. № 2, 1997). P. 31–66; Ober J. *Revolution Matters: Democracy as Demotic Action (A Response to Kurt A. Raaflaub)* // *Ibid*. P. 67–85; Raaflaub K. *The Thetes and Democracy (A Response to Josiah Ober)* // *Ibid*. P. 87–103.

массовых действиях демоса. Поэтому посмотрим на источники именно с этой точки зрения.

Согласно Геродоту, после того как Клеомен изгнал семьсот семейств – сторонников Клисфена, Совет восстал и отказался подчиняться Клеомену и Исагору (ἀντισταθείσης δὲ τῆς βουλῆς καὶ οὐ βουλομένης πείθεσθαι). Клеомен вместе с Исагором и его сторонниками захватил Акрополь; в ответ на это остальные афиняне объединились (Ἀθηναίων οἱ λοιποὶ τὰ αὐτὰ φρονήσαντες) и стали их осаждать (Herod. 5. 72). В аристофановской «Лисистрате» хор афинских стариков ностальгически вспоминает прежние дни, когда Клеомен «бежал, сдав мне оружие» (Lys. 277). Сообщение Аристотеля в целом базируется на Геродотовом, однако автор «Афинской политики» добавляет некоторые детали. Согласно Аристотелю, «Совет оказал сопротивление, и демос собрался вместе» (τῆς δὲ βουλῆς ἀντιστάσης καὶ συναθροισθέντος τοῦ πλήθους), и затем народ (δῆμος) осаждал запершихся на Акрополе Клеомена и Исагора в течение двух дней (Ath. pol. 20. 3).

Проблема заключается в том, чтобы выяснить, насколько организованным было выступление афинян против Клеомена и Исагора. Джош Обер описывает «клизфеновскую революцию» следующим образом: «Осада афинянами Акрополя в 508/7 г. лучше всего может быть интерпретирована как беспорядки, т.е. яростное и более или менее спонтанное восстание значительной части афинских граждан»¹⁹. И далее: «Конституция Клисфена направила энергию восстания демоса в интересах собственной самозащиты в стабильную и работоспособную форму государственного устройства»²⁰. При этом Обер делает очевидное для него сопоставление между осадой Акрополя и штурмом Бастилии во время Великой французской революции²¹. Он указывает на употребление в «Афинской политике» пассивного причастия от глагола συναθροίζω (20. 3) и дает свою версию перевода: «Совет оказал сопротивление, и толпа собралась сама собой (the mob gathered itself together – συναθροισθέντος τοῦ πλήθους)»²². Такой перевод действительно предполагает активные действия толпы, даже беспорядки.

Дж. Обер совершенно прав, указывая на то, что пассивное причастие συναθροισθείς имеет скорее рефлексивное, нежели пассивное значение, но в его переводе события в Афинах явно «революционизируются» по сравнению с тем смыслом, который в них вкладывал Аристотель²³. Следует отметить, что в «Афинской политике» это причастие было использовано еще дважды: при описании собрания Совета в ходе реформ Эфиальта (25. 4) и сбора афинских сил на агоре в период борьбы против тирании тридцати (38. 1). Во всех трех случаях мы имеем дела с общественными собраниями (сборищами) в экстраординарных ситуациях, но никак не с беспорядками. Кроме того, К. Раафлауб указал на крайне незначительный уровень урбанизации Афин в то время, что не дает возможности говорить о массах городского населения²⁴. Речь может скорее идти о мобилизации граждан-воинов на защиту автономии полиса²⁵. Роль демоса несомненно была велика²⁶, но демосом мог руководить Совет, а кроме того, в городе оставались сторонники Клисфена.

Еще одно возражение гипотезе Обера: был ли готов афинский демос выступить

¹⁹ Ober. *The Athenian Revolution...* P. 43. Однако см. возражения Питера Родса о возможности спонтанных действий масс в Афинах в конце VI в. (*Rhodes P. J. Review Article – How to Study Athenian Democracy // Polis*. 1998. 15. P. 76).

²⁰ Ober. *The Athenian Revolution...* P. 51–52.

²¹ Ibid. P. 48.

²² Ibid. P. 45.

²³ В переводе Ракхэма (H. Ruckham) в серии «Loeb» ситуация еще более драматизируется: «But the Council resisted and the multitude banded together». Συναθροίζω в этих переводах имеет очень сильный, «окрашенный» оттенок.

²⁴ Raaflaub. *Power in the Hands of the People...* P. 42.

²⁵ Ibid. P. 43.

²⁶ Этого не отрицает и Раафлауб (*The Thetes and Democracy...* P. 91).

спонтанно без какого-либо лидерства? Всего за шесть лет до описываемых событий было совершенно убийство Гиппарха. Фукидид пишет: «Аристоклиту, правда, удалось, затерявшись в нахлынувшей толпе, пока спастись, но затем он был схвачен и мучительно погиб» (Thuc. 6. 57. 4, пер. Г.А. Стратановского). Эта толпа (ὄχλος) состояла из граждан, принимавших участие в Панафинейской процессии (6. 57. 2) на Панафинейской дороге в северной части афинской агоры. Данное сборище определено было организованным (религиозная процессия), и, очевидно, поэтому Гиппий сравнительно легко смог взять ситуацию под контроль (6. 58. 1–2). Таким образом, процессия не превратилась в поле действия толпы даже в такой критической ситуации. Очень трудно предположить, что социальная психология афинского демоса изменилась столь стремительно за столь короткое время. Поэтому восстание против Клеомена и Исагора должно быть иметь лидеров, и умолчание о них наших (весьма скудных) источников – еще не аргумент.

Действительно, в «Афинской политике» не говорится о каких-либо лидерах афинского демоса после изгнания Клисфена и его сторонников. Но Совет (и для нас не имеет значения, был ли это Совет четырехсот, Совет пятисот или даже Совет Ареопага) был в состоянии организовать демос; в любом случае, кто-то же должен был вести переговоры с Клеоменом? Таким образом, можно скорее говорить о мобилизации афинского демоса, гражданского ополчения, а не о спонтанных массовых беспорядках (действиях толпы).

Дошедшие до нас источники, сообщающие о событиях первых двух третей V в. до н.э., не содержат никаких намеков о действиях толп. Период Пелопоннесской войны более «благоприятен» для нашего исследования. Пелопоннесская война стала суровым испытанием на прочность для полисных институтов. Но даже в таких экстраординарных условиях в наших источниках немного явных свидетельств активности толпы, массовых беспорядков, влияния массовых неорганизованных сборищ на политическую жизнь.

Казалось бы, описанная Фукидидом борьба группировок демократов и олигархов на Керкире должна предоставить подобный пример. Но в данном случае можно наблюдать действия вполне организованных политических групп олигархов и демократов, которые с переменным успехом, но совсем не спонтанно уничтожали друг друга (3. 70–81; 4. 46–48). Это означает, что Фукидид не мог даже представить себе участие толпы в гражданской вражде. Стасис, гражданская вражда, не предполагала участие в ней неорганизованных массовых сборищ. Напротив, стасис был нежелательным, но вполне логичным результатом обострения политической борьбы в городе²⁷. Толпа как политический феномен не существовала для Фукидида, и действия толпы, по его разумению, не могли оказать какого-либо влияния на политическую жизнь.

Тем не менее необходимо проанализировать все случаи упоминания Фукидидом неорганизованных сборищ и действий толпы в невоенном контексте²⁸. Нам будет необходимо ответить на несколько определенных вопросов, таких, как: 1) из кого состояла толпа; 2) какова была цель данного сборища; 3) в каком месте собиралась толпа; 4) какова была степень ее организованности.

Случаи упоминания действий толпы у Фукидида не очень многочисленны. Первый, в экскурсии о тираноубийцах, был рассмотрен нами выше. Другой интересный случай – речь Перикла, который «выступил перед гробницей на высоко поднятом помосте, для того чтобы слова его были слышны как можно дальше в толпе» (2. 34. 8, пер. Г.А. Стратановского). Эта толпа (ὄμιλος) состояла не только из граждан. Перикл адресовался ко всему сборищу горожан и чужеземцев (πάντα ὄμιλον ἀστών καὶ ξένων ξύμφορον) (2. 36. 4). Целью сборища была организованная государством похо-

²⁷ См. о стасисе: *Orwin C. The Humanity of Thucydides*. Princeton, 1994. P. 175–182.

²⁸ Необходимо отметить, что это понятие лежит, как правило, вне поля научного интереса. См., например, *Allison J.W. Word and Concept in Thucydides*. Atlanta, 1997. Анализируя «слова о словах» (p. 186–206), автор не упоминает ни ὄχλος, ни ὄμιλος.

ронная церемония, и местом ее проведения был Керамик²⁹. Несомненно, это было организованное собрание (помост свидетельствует о специальных приготовлениях), но не слишком: не только граждане и их семьи, но также метеки и иностранцы могли присутствовать там. Почти теми же словами можно охарактеризовать церемонию отплытия Сицилийской экспедиции (б. 30–32), когда все население города (ὁ ἅλλος ὄμιλος ἄπας – б. 30. 2) пришло в Пирей попрощаться с моряками и воинами. Толпа состояла из афинян, иностранцев и «доброжелателей» (εὔνοι) афинян. Берега гавани Пирея стали местом этого собрания. Церемония носила религиозный характер и была с очевидностью организована государством (б. 32. 1–2), но толпа была скорее самоорганизующейся, поскольку люди пришли по собственной инициативе.

События периода олигархического переворота 411 г. также представляют интерес с точки зрения политической активности толпы. После того как Фриних был убит и власть олигархов пошатнулась, толпы гоплитов собрались в Пирее с целью организовать действия против олигархов; спонтанные неорганизованные собрания начались также и в самих Афинах (8. 92. 5–8). Но, что очень характерно, эти неорганизованные собрания весьма быстро (на следующий день) преобразуются во вполне организованное заседание народного собрания в театре Диониса в Пирее (8. 93. 1 и 3).

В поставленных в 411 г. комедиях Аристофана «Лисистрата» и «Женщины в народном собрании» нет никаких свидетельств о самостоятельных сходках. Однако характерен сам факт привлечения внимания к спонтанным действиям женщин в народном собрании.

«Греческая история» Ксенофонта дает нам несколько весьма интересных случаев. Фиванский военнопленный Кофратад, после того как корабль причалил в Пирее, затерялся в толпе (ὄχλος), а затем бежал в Декелею (Hell. 1. 3. 22). Это – крайне редкое, если не уникальное, упоминание о частых, если не ежедневных толпах в Пирее. Пирей был крупнейшим портом и, конечно же, там постоянно толпились портовые рабочие, экипажи судов и т.п. В том же 408/7 г. толпа (чернь) из Пирея и Афин (ὄτε ἐκ τοῦ Πειραιῶς καὶ ὁ ἐκ τοῦ ἄστεως ὄχλος) собралась, чтобы встретить Алкивиада (Hell. 1. 4. 13). Последний случай достаточно трудно интерпретировать. Вполне возможно, что ὄχλος означает здесь афинскую чернь (низшие слои населения или демоса), как и во время суда над стратегами – победителями при Аргинусах, когда чернь (ὄχλος, т.е. большинство народного собрания) требовала немедленного осуждения стратегов (Hell. 1. 7. 13). Но в случае со встречей Алкивиада мы имеем дело с реальным массовым собранием. Вопрос заключается в том, было ли оно специально организованным. По моему мнению, Алкивиад через своих сторонников смог подготовить общественное мнение и прибыл в Пирей в день празднования Плинтерий (Hell. 1. 4. 12)³⁰. Таким образом, это был редкий пример организованного массового собрания, использованного в политических целях; собрание это было официальной религиозной церемонией.

Для Ксенофонта и Платона осуждение стратегов – победителей при Аргинусах – стало наиболее явным примером превращения афинской эkkлeсии в неконтролируемую толпу. Как же в действительности можно оценить процесс над стратегами?

Обратимся прежде всего к источникам, главными из которых являются Ксенофонт и Диодор. Оба они в описании процесса преследовали прежде всего моральные цели³¹. Ксенофонт стремился продемонстрировать отсутствие филантропии среди афинского демоса³². Уже в «Греческой истории» он пытался по возможности ярче показать

²⁹ «Публичные похороны имели более религиозное значение, чем можно догадаться из текста Фукидида: в действительности погибших почитали как героев» (*Hornblower S. A Commentary on Thucydides. V. I. Oxf., 1991. P. 292*). См. также *Hyperid. Epitaph., col. 7, l. 31 sq.*

³⁰ Однако американский исследователь Б. Нади считает, что Алкивиад не знал о точной дате празднования Плинтерий, которые были в действительности незначительным праздником (*Nagy B. Alcibiades' Second 'Profanation' // Historia. 1994. 43. S. 283–285*).

³¹ *Buck R.J. Thrasylbulus and the Athenian Democracy. The Life of an Athenian Statesman. Stuttgart, 1998 (Historia-Einzelschriften. Ht 120). P. 54.*

³² *Gray V. The Character of Xenophon's Hellenica. L., 1989. P. 85–86.*

недостатки демократического правления. По мнению самого Ксенофонта, толпа может действовать как в благоприятном, так и в неблагоприятном направлении. Главный враг – чернь, «незнающие». Согласно Ксенофонту, во время суда над стратегами-победителями афинское народное собрание под влиянием демагогов приобретает все более и более неприятные черты. Не случайно он обозначает экклесию как πλῆθος в «Греческой истории» 1. 7. 12, но как ὄχλος уже в следующем параграфе (1. 7. 13). В данном случае речь идет не о толпе как сборище, а об афинской черни.

Что касается возвеличения Сократа, то такой задачи Ксенофонт в начале работы над «Греческой историей» еще себе не ставил³³. Первая часть «Греческой истории» (1 – 2. 3. 9) была написана Ксенофонтом еще в молодости, до того как его восхищение Сократом стало очень сильным. В этом труде он не упоминает о том, что Сократ был эпистатом³⁴. Ксенофонт пишет лишь о том, что некоторые из пританов отказались ставить вопрос об осуждении стратегов на голосование, поскольку это было бы нарушением закона (Hell. 1. 7. 4). Версия о председательствовании Сократа на суде над стратегами появилась позже и у Ксенофонта (Memorab. 1. 1. 18; 4. 4. 2) и у Платона (Apol. 32b) как иллюстрация точки зрения о противодействии одного большинства (πλῆθος – Plat. Apol. 31)³⁵.

Для нас важно «очистить» текст Ксенофонта от эмоций и постараться выяснить, имеем ли мы дело с реальным неорганизованным сборищем. Враги стратегов (прежде всего Ферамен) использовали религиозный праздник Апатурии для своей пропаганды (здесь можно провести параллель с прибытием Алкивиада в Афины). Апатурии были исключительно семейным праздником, и никаких общих собраний не предполагали. В силу специфики праздника (помянуть умерших родственников) речь могла идти только о небольших сходках родичей, и информация передавалась «от дома к дому». Конечно же, Ферамен при этом мог использовать этот праздник для агитации среди родственников погибших³⁶. Таким образом, было оказано воздействие на настроение народного собрания, но для этого не потребовалось никаких многолюдных сборищ.

Неверно представлять и само народное собрание просто как экзальтированную толпу. У народного собрания были причины негодовать: потери среди афинских граждан в результате этого сражения были слишком значительны, даже в сопоставлении с потерями в результате сицилийской катастрофы. Конечно, нет точных данных о потерях, хотя и Ксенофонт и Диодор свидетельствуют о 25 потерянных афинских кораблях (Xen. Hell. 1. 6. 34; Diod. 13. 100. 3–4). По мнению Б. Страусса, общие афинские потери составили около 3300 человек³⁷, а по мнению Р. Бака – до 5000³⁸. В любом случае у народного собрания были серьезные основания для осуждения стратегов; нельзя говорить только об экзальтации.

О толпе граждан вновь говорится в «Греческой истории», когда Ксенофонт описывает возвращение посольства Ферамена в Афины в 405 г.: «И как только они вступили в город, большая толпа собралась вокруг них (ὄχλος περιεχεῖτο πόλις)» (2. 2. 21). Положение осажденных Афин было критическим: свирепствовал голод. Очевидно, именно это стало причиной того, что толпа людей ожидала послы у ворот либо на агоре. Но нет никаких свидетельств об активных действиях толпы. Напротив, только на следующий день послы сообщили народному собранию об условиях мира (2. 2. 22). Народное собрание и в теории, и на практике доминировало (даже в этот

³³ По мнению Дж. Андерсона, Ксенофонт, возможно, в 403–401 гг. делал некоторые заметки, но не принял еще окончательного решения посвятить себя литературной деятельности (Anderson J. Xenophon. L., 1974. P. 72).

³⁴ Henry W.P. Greek Historical Writing. A Historiography Essays Based on Xenophon's Hellenica. Chicago, 1967. P. 194.

³⁵ См. Kraut R. Socrates and the State. Princeton, 1984. P. 196.

³⁶ Gray. Op. cit. P. 84–85.

³⁷ В сравнении с около 7000 в Сицилии. См. Strauss B. Athens after the Peloponnesian War. Class, Faction and Policy 403–386 BC. London – Sydney, 1986. P. 181.

³⁸ Buck. Op. cit. P. 58. «Число афинских потерь в Сицилии было немногим больше» (ibid. P. 60).

тяжелый для полиса период) над любыми возможными неорганизованными собраниями.

Интересно провести сравнение с точкой зрения Андокида, современника Фукидида и Ксенофонта. Оратор ни разу не употребил слово *δῆλος*, не описывал он и действий толпы. Во всем корпусе Андокида можно найти только одно место, которое имеет отношение к рассматриваемой проблеме, однако весьма показательное. Процесс над Андокидом по обвинению в нечестии происходил в 400 г., но в своей успешной речи «О мистериях» он описывает события 415 г., когда он был заключен в тюрьму по обвинению в осквернении герма и профанации мистерий. Естественно, что Андокид не был объективен и стремился представить события в выгодном для него самом свете³⁹. Но его аудитория хорошо представляла реалии общественной жизни Афин, поэтому описываемая оратором картина должна была быть реалистичной хотя бы в этой специфической части.

Андокид сообщает, что некий Диоклид видел заговорщиков, идущих вниз от Одеона к оркестре рядом с входом в театр Диониса (1. 38): «Он затем увидел людей числом около трехсот, стоящих группами по пять или десять, а иногда – по двадцать человек». Можно ли это собрание считать толпой? Нет, поскольку люди стоят группами и не совершают единых действий. Перед нами картина (реальная или вымышленная – в данном случае не имеет значения) подготовки к заговору. Но, что очень важно, и оратор, и его слушатели могли вообразить театр Диониса в качестве возможного места массовых собраний. И действительно, в Афинах не было других мест для организации массовых собраний, кроме площадей внутри или рядом с полисными учреждениями. Их можно было использовать нелегально лишь ночью, как и случилось на этот раз.

Все это показывает отсутствие признаков политического значения толпы в Афинах даже в самом конце Пелопоннесской войны – в самый тяжелый период для институтов афинского полиса. Организующие силы оказывались сильнее дезорганизующих тенденций. Отсутствие реальных действий толпы в Афинах в период Пелопоннесской войны – очень важный показатель. Это означает, что толпа и ее действия не были средством политической борьбы. Тем не менее можно говорить и о некоторых переменах. На рубеже V и IV вв. полис стал платить гражданам за посещение народного собрания, потому что граждане стали предпочитать неформальные собрания официальным (Aristoph. *Eccl.* 183 sq., cf. 290 sq., 380 sq.). Увеличение платы за посещение экклесии до трех оболов стало ответом, поначалу достаточно успешным (Aristoph. *Eccl.* 299–310; Plut. 171, 329 sq.)⁴⁰. Причина снижения интереса к политическим собраниям – не в инфляции и не в пауперизации значительной части афинского населения. Причина в том, что произошли важные изменения в социальной психологии. Наиболее пронизательные и умные афинские политические лидеры не могли не понимать этого. По крайней мере один из них – Алкивиад – действительно почувствовал перемену. Алкивиад первым использовал для своей агитации не только народное собрание или похоронную церемонию, но сделал попытку превратить религиозную церемонию в массовое собрание в честь его собственного возвращения в Афины. Эта попытка оказалась довольно успешной, но осталась исключением.

Поведение Гипербола, другого (хотя и менее известного) демагога, было гораздо более типичным. Несмотря на радикализм Гипербола, его отношение к афинскому демосу и правилам политической борьбы мало отличалось от отношения политических деятелей более раннего периода. Он действовал традиционно – через суд и народное собрание. Но в конце его карьеры и жизни обстоятельства требовали от него обратиться непосредственно к массам. Афинская *παντὶς δῆλος*, столь страшившая

³⁹ Ober J., Strauss B. *Drama, Political Rhetoric, and the Discourse of Athenian Democracy // Nothing to Do with Dionysos? Athenian Drama in Its Social Context* / Ed. J. Winkler and F. Zeitlin. Princeton, 1990. P. 255 ff.; Missiou A. *The Subversive Oratory of Andokides. Politics, Ideology and Decision-Making in Democratic Athens*. Cambr., 1992. P. 20–25.

⁴⁰ Ehrenberg V. *The People of Aristophanes. A Sociology of Old Attic Comedy*. Cambr. Mass, 1951. P. 227.

олигархов (Thuc. 8. 72), сконцентрировалась на Самосе, где Гипербол находился в ссылке. У нас нет никаких сведений о том, что он пытался напрямую воздействовать на настроения массы (как это позже сделал Алкивиад). Гипербол остался в прежних рамках политической борьбы; в результате он оказался без защиты и был убит (Thuc. 8. 73. 3)⁴¹.

События, происшедшие в Аргосе в 370 г., предоставляют нам возможность рассмотреть действия толпы вне Афин. Действительно, *σκυταλισμός* («скитализм», закон дубины) в Аргосе является наиболее ярким примером обострения внутривнутриполитической борьбы в Греции после падения спартанского господства на Пелопоннесе. Историки часто описывают это выступление как пример неорганизованных революционных действий масс⁴². Каждый в состоянии вообразить толпы простонародья, которые забивают аристократов до смерти дубинами: картина, похожая на крестьянские восстания в Восточной Европе или Китае. Однако наши источники рисуют совсем другую картину. Так, Диодор пишет: «Среди греков это движение (*νεωτερισμός*) было названо "законом дубины" (*σκυταλισμός*), получив это название по способу казни» (15. 57. 3)⁴³. После этого идет описание внутренней борьбы в Аргосе, но ни слова о действиях толпы! Согласно его сообщению, демагоги возбудили массы (*πλήθος*) против знатных и имущих сограждан, и демос без тщательного разбирательства приговорил к смерти всех обвиненных и конфисковал их собственность (Diod. 15. 58. 1). Ни Дионисий Галикарнасский (Ant. Rom. 7. 66. 5), ни Плутарх (Praecepta gerendae reipublicae – Moral. 814B) не противоречат этому сообщению. Единственный из сохранившихся источников, современник событий, Исократ пишет, что «аргосцы умертвили (*ἀπολλύουσι*) наиболее знатных и богатых из своих сограждан» (Philip. 5. 52). Из утверждения Исократа не следует, что погибшие обязательно были убиты во время массовых беспорядков.

Таким образом, и в Аргосе в 370 г. не было ни массовых беспорядков, ни агрессивных действий толпы. Казни богатых граждан стали результатом правосудия, как аргосский демос представлял его себе в тот момент. *Σκυτάλη* в руках аргосских демократов была не «дубиной народной войны», а лишь орудием казни, чем-то вроде гильотины.

Итак, можно ли считать, что толпа как социальный феномен и действия толпы оказали значительное влияние на политическую жизнь доэллинистической Греции? Ответ ясен: нет. Но каковы были причины этого?

Можно указать на демографические причины и на типы поселений в архаический и классический периоды греческой истории. Греческие города были весьма невелики. Общее население Аттики не превышало 300 тысяч⁴⁴. Конечно, в греческих городах были отдельные места, где могла собраться толпа: агора, театр и, пожалуй, все (улицы жилых кварталов были крайне узкими)⁴⁵. Но и агора, и театр, и акрополь были местами для организованных гражданских событий, церемоний и т.п. Все эти места контролировались должностными лицами полиса и могли быть использованы для неофициальных сборищ разве что ночью (как это наблюдал или воображал Андокид). Нет никаких свидетельств о массовых беспорядках во время Олимпийских, Немейских, Истмийских либо Панафинейских игр (во всяком случае в архаический и классический периоды).

⁴¹ Более подробно см. Карпук С.Г. Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. № 4.

⁴² Hammond N.G.L. A History of Greece to 322 B.C. Oxf., 1986. P. 496. См. также Fuks A. Patterns and Types of Social-Economic Revolution in Greece from the 4th to the 2nd century B.C. // Ancient Society (Leuven). 1974. 5. P. 71, где события 370 г. в Аргосе названы «выдающимся образцом массовых движений».

⁴³ Aen. Tact. 11. 7–10 не может рассматриваться как описание данного события. См. David E. Aeneas Tacticus 11. 7–10 and the Argive Revolution of 370 B.C. // AJPh. 1986. 107. P. 343–349.

⁴⁴ Дж. Обер предполагает, что гражданское население Афин в IV в. составляло около 20–30 тысяч человек, а все население Аттики – около 150–250 тысяч человек (Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989. P. 128).

⁴⁵ Очень жаль, что нет книги об общественном и частном пространстве классической Греции.

На мой взгляд, все эти причины вторичны и не настолько важны. Главная причина заключается в том, что греческая демократия управлялась слабо организованной толпой граждан, и ее критики в некотором отношении были правы (в их глазах и заседания народного собрания могли превратиться в толпу). Действительно, для граждан психологическая необходимость в массовых сборищах могла выражаться в сходках народного собрания. Античная демократия, демократия прямого действия, предотвращала возможную активность толпы.

Некоторые изменения происходят в конце V – начале IV в. Знамение перемен становится появление общественных сборищ, которые – хотя бы частично – выходят за рамки официальных. Наиболее яркий пример – попытка Алквиада и его сторонников организовать толпу встречающих его в Пирее. Но эти перемены были слишком незначительны, чтобы оказать сколько-нибудь существенное влияние на политическую борьбу в греческих полисах. И даже столь могущественная афинская *καυτικὸς ὄχλος* была не более чем частью афинского населения, и нет никаких сведений о попытках организовать с ее участием какие-либо массовые действия. Демагоги оставались лидерами демоса не только по названию: они продолжали использовать полисные институты. И эти институты должны были быть полностью или частично разрушены, чтобы дать возможность для действий толпы.

Подобные условия создаются уже в эпоху эллинизма. К сожалению, наши источники по политической жизни эллинистического времени крайне фрагментарны, но один эпизод действий толпы в Александрии Египетской в самом конце III в. до н.э. достаточно подробно описан в XV книге труда Полибия. Речь идет о мятеже, направленном против Агафокла, приближенного Птолемея IV Филопатора. Рассказ о падении Агафокла обычно рассматривается исследователями как образец «трагической истории»⁴⁶, как литературный источник⁴⁷ и т.п. Такой подход совершенно справедлив, но недостаточен. Конечно, Полибий на примере Агафокла стремился продемонстрировать, какое влияние могут оказывать советники на царей⁴⁸. Однако цели историка в данном случае отнюдь не ограничивались лишь «драматизацией» повествования. Историк описывал события, делая сопоставления с личными впечатлениями (сравнивал поведение толпы в Александрии и Карфагене – 15. 30. 10). Даже если рассказ о расправе над Агафоклом и был «драматизирован», все же он основывался на исторических фактах. Для нас важнее всего то, что Полибий рассматривал толпу как реальную политическую силу.

Выступление александрийцев было организовано (или спровоцировано) противниками Агафокла, прежде всего Тлептолемом, который контролировал доставку продовольствия в Александрию (15. 26. 11). Оно произошло непосредственно после смерти Филопатора, в 204/3 г., когда Агафокл, пользуясь малолетством нового царя Птолемея V Эпифана, фактически захватил власть в свои руки. Поводом для недовольства населения стали преследования родственников Тлептолема. В результате «толпа (πλήθος) вознегодовала; тайные совещания с глазу на глаз кончились, и недовольные то выходили ночью и писали повсюду угрозы, то собирались толпами днем и давали волю ненависти своей против правителей» (15. 27. 1–2, пер. Ф. Мищенко). Речь случайно спасшегося противника Агафокла Мойрагена воспламенила солдат, и недовольство усилилось (15. 29. 1–3). «И не прошло и четырех часов, как люди всех национальностей, как солдаты, так и граждане, стали призывать к совместному нападению (πάντα τὰ γένη συμπεφωθήκει καὶ τὰ στρατιωτικὰ καὶ τὰ πολιτικὰ πρὸς τὴν ἐπίθεσιν)...» (15. 29. 4). Несмотря на ночное время, шум и возмущение нарастали: «Одни с криками собирались на стадионе, другие произносили зажигательные речи, третьи метались по городу... Уже площади кругом дворца, стадион и

⁴⁶ Sacks K. Polybius on the Writing of History. Berkeley and Los Angeles, 1981 (University of California Publications in Classical Studies. V. 24). P. 167.

⁴⁷ Pédech M. Discussion // Polybe. Neuf exposés suivis de discussions. Genève, 1973 (Fondation Hardt. Entretiens. T. 20). P. 202.

⁴⁸ Walbank F.W. Polybius. Berkeley and Los Angeles, 1972 (Sather Classical Lectures. V. 42). P. 157.

улицы были переполнены народом всех состояний (ὑπαρχούσης ὄχλου παντοδαπού), равно как и площадь перед театром Диониса» (15. 30. 3–4, пер. Ф. Мищенко, с изменениями). «К этому времени собрался народ из целого города (ἡθροισμένου τοῦ πλήθους ἐξ ἀπάσης τῆς πόλεως), так что не только гладкие места, но даже лестницы и крыши домов были заняты народом, причем слышались беспорядочные крики и гул, ибо вместе с мужчинами были женщины и дети. В самом деле, в Александрии, как и в Карфагене, дети (τὰ παῖδάρια) не меньше мужчин принимали участие в подобных смутах» (15. 30. 9–10, пер. Ф. Мищенко). Толпа стала звать юного царя (15. 31. 1). После этого активную деятельность разворачивают «македоняне» – плохо известный нам тип воинского контингента, которые получают в свои руки юного царя и требуют наказания виновных (15. 31. 2–5). «День клонился к вечеру, а толпе (πλήθος) было не на ком сорвать злобу» (15. 32. 6). Используя подобное психологическое состояние толпы, Сосибий добивается у юного царя выдачи на расправу Агафокла и его близких (15. 32. 6 и сл.). Далее Полибий описывает расправу над Агафоклом и его родней, которая происходила на стадионе. «Все родственники разом отданы в жертву толпе, и мятежники кусали их, кололи копьями, вырывали глаза; чуть кто падал, его терзали на куски, и так замучили всех до последнего. Вообще египтяне в ярости страшно свирепы» (15. 33. 9–10, пер. Ф. Мищенко). Еще более спонтанно происходила расправа над руководителем умерщвления царицы Арсиной (сестры и жены Птолемея IV Филопатора) Филаммоном. Оно произошло в его собственном доме, и важную роль в этой акции играли девушки, воспитывавшиеся вместе с Арсиной (15. 33. 11–12).

Разнородная городская толпа (как бы ее ни называл Полибий – πλήθος, ὄχλος παντοδαπός или как-нибудь иначе) становится в Александрии активным участником политической борьбы. Толпа заполняет улицы города, собирается на стадионе. Каковы же отличительные признаки александрийской толпы? Полибий специально и на лексическом, и на описательном уровнях подчеркивает ее разнородность. Она состояла как из воинов, так и из гражданских лиц, как из египтян, так и из греков, как из мужчин, так и из женщин и детей. Последнее обстоятельство историк особо подчеркивает, говоря об участии детей (подростков) в городских беспорядках как о специфике Александрии и Карфагена. Специально оговаривается и многонациональный (πάντα τὰ γένη) состав толпы. П.М. Фрейзер не без основания настаивает на участии именно этнических египтян в расправе над Агафоклом⁴⁹, полагая, что Полибий, говоря о египтянах, именно их и имел в виду. Целью сборища была расправа с ненавистным царедворцем. Движение масс людей отмечалось по всему городу, но центром стал стадион. Действия толпы первоначально были спонтанными, но враги Агафокла постепенно направили их в нужное русло.

Действия толпы в птолемеевской Александрии принципиально отличаются от действий масс в более ранние периоды греческой истории. В Александрии в массовых беспорядках принимают участие и граждане, и неграждане, и греки, и египтяне, и мужчины, и женщины. Активность масс не прекращается ни днем, ни ночью, охватывая при этом весь город. Центром ее становится стадион. Характерно, что нет никаких сведений о каком-либо участии в этих событиях полисных институтов, хотя Александрия формально и была полисом⁵⁰. Все происходит совершенно иначе, чем в греческих полисах, и это еще раз подтверждает глубокое различие в сфере социальной жизни между классическим и эллинистическим периодами греческой истории.

Как ни странно, толпа (точнее: опасность толпы) в V–IV вв. имела большее значение в идеологической сфере. Противники демократии из окружения Платона и Исократы стали широко использовать понятие ὄχλος в значении необузданной толпы афинских граждан. Ксенофонт при описании процесса над стратегами – победителями при Аргинусах – пытался описать поведение демоса как свойственное толпе. Для

⁴⁹ Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. V. I. Oxf., 1972. P. 81 f. Более того, автор полагает, что расправой над Агафоклом коренные египтяне выразили свою ненависть по отношению к власти греков (ibid).

⁵⁰ Существовали граждане (πολίται), филы и фратрии (правда, искусственные) и т.п. См. Fraser. Op. cit. P. 38 ff.

платоновского Сократа и толпа, и чернь – одно и то же. Для Платона, Исократ и их последователей ὄχλος – прежде всего чернь, и в своих сочинениях они не использовали примеры деятельности толпы, массовых беспорядков, но лишь неодобрительно отзывались о вполне официальных сборищах – народном собрании, суде. Платоновский Сократ избегал ежедневной городской толпы, Платон ненавидел чернь («незнающих»), но, как показала практика, им следовало опасаться прежде всего афинского демоса как главного противника любых антидемократических конструкций. Поэтому и была столь ограниченной аудитория, которая могла откликнуться на идеи Платона и Исократ. Толпа была для Платона и Исократ и их последователей идеологическим образом, «страшилкой» и смыкалась с чернью⁵¹. Конечно, концепция Платона значительно отличалась не только от современной, но и от концепции римских авторов⁵². Последние подчеркивали непостоянство толпы, для греческих авторов толпа – это прежде всего чернь. И не массовых действий толпы в городе боялись греческие противники демократии, а «черни», т.е. настроенного против них демоса⁵³.

В отличие от своих предшественников и современников (Платона и Исократ) Аристотель и здесь применил свой «научный» подход, восприняв ὄχλος как данность и относясь к толпе нейтрально. Толпой (точнее, толпами) оказываются не только современные философу афиняне, но и граждане πάτριος πολιτεία (Pol. 1285b). Перипатетическая традиция восприняла это отношение, разве что аристотелевская «толпа» за два века превратилась в полибиевские «толпы». Для Полибия ὄχλος (точнее, ὄχλοι) – нормальное состояние народа, «широких народных масс». Полибий в данном аспекте является продолжателем «линии» Аристотеля. Поэтому и не стоит придавать слишком большое значение «открытию» Полибием охлократии – в сущности это та же самая крайняя (радикальная) демократия – историк в целом остался в русле перипатетической традиции. Его лексика лишь отражает некоторые изменения в обозначении форм государственного устройства⁵⁴.

Таким образом, у греков не было понятия толпы как неорганизованного массового сборища отдельно от черни, т.е. низших слоев населения. В классической греческой литературе ὄχλος и δῆμος почти неразличимы. Греческая демократия поистине была демократией толпы. Демократия по многим понятиям была охлократией (поэтому охлократия как отдельное понятие появилась только в эллинистический период), и Платон не был совсем неправ, рассматривая все многочисленные сборища как одинаковые по своей природе. Полисные институты были предназначены для толп, слегка организованных толп граждан. Только опасность для независимости полиса могла подвинуть граждан на некое подобие массовых спонтанных действий. Это в какой-то мере подтверждает и восстание афинян против Клеомена и Исагора, и оборона Спарты от фиванского вторжения⁵⁵. Должны были произойти перемены в социальной психологии, чтобы позволить грекам действовать как толпа (например, как в

⁵¹ Современные социологи почему-то пребывают в уверенности, что «идея безумной (бесноватой) толпы появилась как ответ на социальные, экономические и политические вызовы status quo в Европе в течение XVIII–XIX вв.». См., например, *McPhail Cl. The Myth of the Madding Crowd*. N.Y., 1991. P. 1. Но именно Платон был первым, кто выдвинул эту идею, и его ὄχλωδες θῆρον был вполне адекватным образом безумной толпы. Только один политолог справедливо указал на то, что из всех древних авторов «только Платон смог разработать нечто, предвещающее (approaching) теорию толп» (*McClelland J.S. The Crowd and the Mob: From Plato to Canetti*. L., 1989. P. 34).

⁵² См. *Карнюк. Vulgus и turba...*

⁵³ «Проблема, с которой Платон не должен был сталкиваться – из кого состоит толпа и откуда она взялась. Толпа афинской демократии была официальной – народное собрание, Совет и суд...» (*McClelland. Op. cit.* P. 35).

⁵⁴ Очень странно, но этапы развития современной социальной теории толп во многом повторяют древнегреческие образцы. Если для Ле Бона (как и для Платона) толпа – это дикое животное, то для Рюде (как и для Аристотеля) – социологический феномен. Многие философы и ученые, начиная с Платона, стали рассматривать народ (*demos, populus*) и толпу (*ochlos*) как тождественные социальные феномены.

⁵⁵ Массовые действия толпы были не свойственны и для неграждан. Примером тому может быть даже восстание илотов (см. начало третьей Мессенской войны).

Александрии). Эти процессы имели место в эллинистическое время и были связаны с ослаблением влияния полисных институтов.

Таким образом, действия толпы не оказали непосредственного влияния на политическую жизнь греческих городов в классический и эллинистический периоды (во всяком случае, у нас нет свидетельств о подобном влиянии). Влияние было, но оно осуществлялось через идеологическую сферу. «Угроза превращения в толпу» использовалась противниками демократии в антидемократической пропаганде.

THE ROLE OF CROWD ACTIVITIES IN THE POLITICAL LIFE OF ARCHAIC AND CLASSICAL GREECE

S.G. Карпук

The author makes an attempt to find any traces of crowd activities in the political life of pre-Hellenistic Greece analysing some cases of alleged unorganised mass activities (Athenian revolt against Cleomenes and Isagoras in 508/7 B.C., Alcibiades' return to Piraeus and the trial over the Arginusae victors during the Peloponnesian war, *skytalismos* in Argos in 370 B.C., and some others). The author compares crowd actions in classical Greece with that in Hellenistic Egypt (the uprising of masses in Alexandria against Agathocles in 204/3 B.C.) to show the difference in people's conduct.

There were no direct influence of crowd actions upon political life in archaic and classical Greece. The danger of crowd activities had more importance for ideology. The crowd for the opponents of democracy (Plato, Isocrates) was an ideological image, and not a real danger.